

Анатолий Смирнов

Непотаяённое

Стихотворения

Анатолий Смирнов

Непотайное. Стихотворения

«Издательские решения»

Смирнов А. П.

Непотаённое. Стихотворения / А. П. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832742-1

«Непотаённое» — шестая поэтическая книга члена Союза писателей России, лауреата литературной премии Николая Лескова Анатолия Смирнова. В этой книге поэт стремится отыскать те тайные нити, что связывают человека с Богом, с ходом времени, с современностью и историей, с Родиной, с согражданами и любимой женщиной. Под яркими, насыщенными метафорами-образами открывается постановка глубоких культурно-философских проблем и оригинальные пути их возможного решения.

ISBN 978-5-44-832742-1

© Смирнов А. П.
© Издательские решения

Содержание

«Вновь за окном судачит...»	6
Сентябрь на Шексне	7
«Засохшим в мелких зубчиках листом...»	8
Сомнения	9
«Для чего я слова выбираю...»	10
Определение координат	11
«Утра ноябрьская проза...»	12
«Стучишься в двери справа —...»	13
Подруги	14
Портрет литератора	15
Продукт педагогики	16
«Бледные личики, бойкие пальчики —...»	17
«Не особо я вырос умишком...»	18
Книга	19
Оттепель	20
«Берёзы в инее. Мороз...»	21
Дьявол	22
Стена листа	24
«To be at not to be?»	25
«Эпоха, где все говорят...»	26
Вороны	27
«Словно хруст крахмальной простыни...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Непотаённое
Стихотворения
Анатолий Павлович Смирнов**

© Анатолий Павлович Смирнов, 2016

ISBN 978-5-4483-2742-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Вновь за окном судачит...»

Вновь за окном судачит
Осень с печальным деревом.
Клён покраснел от плача,
Плачет он вместе с небом,
С небом, одетым в тучи
Днём чернобуро-лисым.
С каплями грусти жгучей
Падают в грязь и листья.

Осень и мне подруга,
Что в сентябре приходит,
Чтобы дышать в мой угол
Нежной тоской мелодий,
Дождь натянув на рамы
Струнами одиночеств...
Я предлагал ей замуж,
Только она не хочет.

Зяблой рукой голубит,
Но замечает с честью:
«Ты же меня разлюбишь,
Если мы вечно вместе.
Вот оборву все листья,
Крыши снежком помечу
И улечу, чтоб мыслью
Вновь ворожил ты встречу.»

За покраснелым клёном
В толще блестящей пыли,
Словно в пруду тритоны,
Вьются автомобили,
Пьяные бледным светом,
Фары в глаза мне косят:
«Что ж ты, рождённый летом,
С детства влюбился в осень?»

Сентябрь на Шексне

Теплоход. Белый холод металла
И рассветной реки полоса...
Видно, ночью жар-птица летала
И роняла перо на леса.
С берегов, то желто, то багряно,
Над ребристой воды серебром
Проступает сквозь марлю тумана
На осиновых кронах перо,
Оттеняет еловые гривы,
Что курчавят холмы к небесам...
Много спрятано чудного дива
По шекснинским лешачьим лесам.

«Засохшим в мелких зубчиках листом...»

Засохшим в мелких зубчиках листом
Октябрь к стеклу прилип в желтушной квели...
Ну, семьдесят годков, ну, может, сто —
Ты проживёшь в своём любимом теле.

А что?.. Порой ругал, но ведь любил:
Поил; кормил; распарив, гнал от боли;
Хоть водки, верно, слишком много пил;
Хоть дрался в кровь, желая вольной воли.

Таков закон: раз послан жить, храни
Футлярчик дум на ярусах скелета
С обильем блюд гурманства ли родни,
С водой и хлебом божьего ль аскета.

Коль в память, как в затон, забросить сеть,
Признать придётся, зря хвосты и жабры:
Не раз честнее было б умереть,
Чем, заплутав, искать тропу до правды.

Но есть закон: сквозь топи колею
Ищи в тот мир, где благостней и суше,
Ведь грешность тела сводится к нулю,
Когда в безгрешность попадают души.

Бреди, ищи, суди себя судом,
Внушающим душе – не телу – трепет.
Придёт твой день и, будто бы листом,
Её к стеклу Господнему прилепит.

Сомненья

Щекочущая мнительность ума,
бессонница, дрожание коленей,
чувств бездорожье, мыслей кутерьма —
вот признаки и данности сомнений.

Из дома вышел: город в ноябре,
туман да дождь и сразу – перекрёсток.
Живёшь здесь жизнь и чувствуешь – в дыре:
как ни сверни, всё глупо, мокро, пёстро.

Припомнишь жизнь, всех дней былых туман,
весь шаг земной, все шишки нетерпений —
совсем не часто попадал в обман,
зато так часто мялся от сомнений.

В глазах людей скол вечного огня
искал, а видел бренности мерцаний...
Не раз хранил от гибели меня
бесовский дух сомнений-отрицаний.

Туман да дождь, на лужах рябь колец,
а прутья веток уже вяжут почки...
Я сомневаюсь в том, что смерть – конец,
ведь мысль всегда
длинней, чем речь до точки.

Откос реки одет в гранит, ручьи
точатся вниз по лестнице отлогой...
Я сомневаюсь, что мои грехи
избыть по силам даже силам Бога.

Бьёт над пустой рекой не в бровь, а в глаз,
дыра – не город, мокрый норд осенний...
Но если б чёрт не вкрал в сомненья нас,
кем Бог бы откупался от сомнений?!

«Для чего я слова выбираю...»

Для чего я слова выбираю
день за днём, и любя, и скорбя;
то зачёркиваю их, то черкаю?..
Я не знаю, поверьте, не знаю,
может, просто ищу в них себя.

Снова осень и небо сурово
топит дали и выси во мгле...
Как нужна мне сегодня основа —
то последнее божие слово,
по которому я на земле!

«Утра ноябрьская проза...»

Утра ноябрьская проза:
люди, машины-сверчки,
зябло и капли на лозах
голых берёз, как зрочки.

Запах газонного тленья
парков и скверов окрест.
Топоты. Гам. Свиристенъе.
Грязная вата небес.

Бьётся в углы светофоров
толп и машин толкотня, —
льётся заботами город
в русла каньонного дня.

К вечеру станешь греховней,
множа успеха очки...
Памятью сердца запомнишь
только на лозах зрочки.

«Стучишься в двери справа —...»

Стучишься в двери справа —
открываются двери слева.
Царапаешь пальцами небо —
земная грязь под ногтями.
Бежишь, а дорога глиной
прилипла к твоим подошвам,
её за собой всю тащишь...
Куда ни ткнишь — всё не это!
В кого ни ткни — всё не тот!

Подруги

Одна была, как утро в сенокос,
свежа, румяна, членами ядрёна,
взгляд голубой, а россыпью волос
напоминала свет осенний клёна.

Другая же, как зимний день, бледна,
стройна, изящна, но за карим взглядом
густела ночь, где звёзды и луна
то тень, то тайну стелют по фасадам.

Обычный быт, обычный городок:
заводы, школы, клубы, рестораны,
собаки в парке, ямины дорог,
звон колокольный, волжские туманы...

С одной бы можно было прочно жить:
растить детей, наращивать достаток...
С другой же погружаться в миражи,
где ни шкафов, ни гаражей, ни грядок...

Но молодости чист и честен пыл,
а потому верны её решенья:
обеих я так искренне любил,
что ни одной не сделал предложенья.

Для первой – тёмен, для второй же – груб...
В снах памяти просвечивают сквозь годы
их разный запах кожи, вкусы губ
и дрожь у них не отнятой свободы.

Портрет литератора

Крысиный нос, в глазах штришок лукавый,
надменность губ, лицо, как смятый крик, —
любил известность, жаждал рабской славы,
теперь бессмертной ждёт уже старик.

Но бьёт без искр страниц его кресало,
в них даль души пустынна и темна...
Он положил всю жизнь за славу савла,
но слава только павлам суждена.

Продукт педагогики

Лицо змеи, змеиных взглядов нож;
движенья, жесты по-змеино гибки;
язык раздвоен: истину за ложь
и ложь за правду каплет без улыбки.

Преподаватель вуза, кандидат —
маркетинг, продвижение товаров.
Разведена, модна и, говорят,
охотница до йоги, враг сансары.

Пьёт кофе, оттопырив локоток;
зачёты принимает буквы стражем...
А дома правит мама, педагог
с сорокалетним, или больше, стажем.

«Бледные личики, бойкие пальчики —...»

Бледные личики, бойкие пальчики —
Интернет-девочки, интернет-мальчики;
В «твите», «вконтакте», в «фэйсбуке»
и в прочем
Профили кофрят и чаты морочат.
Куклят часы с электронными куклами;
Грёбаны «Яндексом», «Гуглом» заглены
Ищут все конусы мрака и света
В недрах смартфона, айфона, айпеда...
Прут выпендрёжом в ютубные ролики;
В стаи сбиваются, тролли и троллики,
Только узрят в виртуальности поля
Нежную лань или робкого кроля.
Спинки ссутулены, дряблы животики,
Письки истравлены зреньем эротики,
В мыслях – мечта: добиваться б по скайпу
Этого самого славного кайфу.
Всласть им меж стен у экранов счастливиться;
Выйдут на улицу – сразу соплявятся,
Толпы, машины, жара или лужицы —
Всё в них рождает разжиженность ужаса,
Ибо нельзя здесь закрыть, как страничку,
Грубую плотную мира наличку...
Бледные личики, бойкие пальчики —
Интернет-девочки, интернет-мальчики.

«Не особо я вырос умишком...»

Не особо я вырос умишком,
съев все зубы с галетами лет:
обожаю бумажные книжки
и как данность терплю интернет.
Не прельстившийся кибер-наукой
и в общении не ищущий кайф,
обожаю я явные руки
и глаза, а не влипшие в «скайп».
Просыпаясь, смотрю за окошко:
ныне ведро иль дождик в судьбе?..
Видно, я по характеру – кошка,
что гуляет сама по себе.
Вот и в песнях всегда я не в теме,
чтобы быть в распродажности дня:
не желаю ложиться под время,
пусть ложится оно под меня.
Цифренеет вселюдная раса,
только что мне вся эта морковь,
если сам я из кости и мяса
и несёт меня хищная кровь?!

Книга

«Прочитай меня,» – говорила она,
и я читал, читал её губами...
«Прочитай меня всю,» – шептала она,
и я читал её губами, ладонями, пальцами,
читал всем телом.
Читал, читал, пока она не выдыхала:
«Ну вот, ты всю меня прочитал, всю»
и засыпала, положив голову
на мою левую руку...
Через пару лет я запомнил
каждое предложение, каждое слово,
каждый знак препинания в ней.
Но при этом – как ни странно – в каждом
новом прочтении
я открывал в ней новый жаркий смысл...
А потом стали стираться буквы,
протираться листы, стал рассыпаться переплёт
и, когда перепутались все страницы,
мы расстались.

Оттепель

День воскресный и тает зима,
кроет улицы снежная слякоть.
Ветки, люди, машины, дома
и души беззащитная мякоть.
Скрыв её за сетчатками глаз,
молчаливо по городу кружишь,
напрямик пересекая подчас,
как слепец, тротуарные лужи.

Снег газонов бесцветен и рыхл,
стёкла окон в размывах рыданий,
и по следу свиданий былых
тебя память толкает меж зданий.
Память юности застит зрачки:
лик девичий, любовь и остуда,
даже имя забылось почти,
но живёт ощущение чуда.
Память юности тычет иглу
в ткани чувств воспалённых и мыслей...
Как в них был ты порывист и глуп,
сам, тот юный, себе ненавистен!

Берег Волги. Над той же рекой
тот же ветер, такие же тучи,
тот же шорох, а ты стал другой,
но не факт, что хоть в чём-нибудь лучше.
Не скопил ни богатств, ни ума,
лишь в желаньях стал мягок и розов...
День воскресный, раскисла зима
накануне николевских морозов.

«Берёзы в инее. Мороз...»

Берёзы в инее. Мороз.
На крышах – неба полусфера,
где в сонме самых ярких звёзд
крупней всех око Люцифера.

Проснулся город: суета
автомобилей, толп и света,
да тень соборного креста
летит в три стороны на это.

Зачем ваш ум устроен так
полунапуганно, но строго,
что и Киприды нежной знак
соединил с изгоем Бога?

О, знаю, хочется вам в сад,
где бы без слёз от счастья пелось,
ведь ваши чувства в холст висят
и страшен вам крылатый эрос.

Кто верит в крест, кто верит в тьму,
но вы не розны в дольном мире,
раз все живёте по уму
под властью буквы иль цифири.

И не для вас, как час пробьёт,
сквозь вечер мутный, словно клейстер,
сиянье истины прольёт
не очернённый ложью Геспер.

ДЬЯВОЛ

1

В клубе – музыки рэп и свист,
столик с закуской и водкой...
А дьявол был смугл и лыс,
с узкой рыжей бородкой;

из рюмки, как кот, лакал,
салат с кальмарами кушал
и мне всё толкал, нахал,
бессмертие тела за душу.

Ну а я предлагал ему
на брудершафт упиться;
в ответ он мычал: «К чему?
Нам же не породниться!»

Да, был он во зле не прост, —
в улыбках читал ухмылки,
но я прищемил ему хвост
после третьей бутылки.

Оторвать от хвоста телеса
не смел он, чтоб драпнуть наружу,
и кровью расчёт подписал,
и продал мне свою душу.

2

Месяц почти прошёл
с этой попойки мутной.
Что с дьяволовой душой
мне делать?.. Придумать трудно.

Искушать с ней девиц и дам?
Но льстить не могу во зле я!..
Сатане за сюжет продать?
У него своя сатанея...

Нательным крестом страша,
мучить святой водицей?..
Жалко, всё же – душа,
хоть чёрная, но ведь – птица.

Много в её глазу
знанья нечистой твари...
Что ж, засушу, как лозу,
вложу в страниц гербарий.

Да, дьявол во зле не прост,
знатный торгаш он, тёртый.
Вот продал бы мне свой хвост,
вся б нечисть держала за чёрта!

Стена листа

Тот человек, который за листом, —
двойник? иль кто? — мне незнаком воочью,
но — чаще утром, иногда и ночью —
ко мне доходит грустным шепотком.

Я — человек, который пред листом,
залистному незримый тоже, впрочем,
покорно заключаю в скверный почерк
всё, что он мне доносит шепотком.

Нам друг без друга жить давно немило,
но твердь листа навек нас разделила
здесь, в мире блеска солнца и луны.

Стена листа крепка, как божья сила...
Ты спрашиваешь: страшна ли мне могила?
Но, может быть, не будет там стены!

«To be at not to be?»

1

Венозным светом брызгает аврора
На мрачный берег, стены Эльсинора,
На спящих чаек, дремлющее море,
На щёки принца, память его горя...
Что значит – «быть»?.. Коронной власти ради
Пробить путь к правде, вскрыв коварство дяди,
И, совершив по зову чести мщенье,
Душе отца послать успокоенье?..
Но стоят ли сон её и облик кары зримой
Безумия и мёртвых губ любимой?..
Светило выплывает жирной рыбой...
О, Гамлет, Гамлет, ты ли свершаешь выбор
Или сквозь серый призрак с силой тока
Магнитит твои мысли воля Рока?!

2

Зачем в кругу деревьев у Чёрной речки,
Подняв под взгляд лепажный пистолет,
Идёшь ты смерти собственной навстречу,
Вспылав презреньем, истинный поэт?
Ну разве стоит возмущенья духа
Придворной черни пакостный трезвон,
Когда так ясно различает ухо
Глас с божьих уст над тьявканьем времён?
И стоит ли честь, чтобы над снежной новью,
Жизнь поручив безумию свинца,
Французика своей забрызгать кровью
И превратить в живого мертвеца?..
Но небо надъянварское высоко,
А синь его сегодня так пуста,
И в памяти сквозит зияньем Рока
Твоей живой мадонны красота!

«Эпоха, где все говорят...»

Эпоха, где все говорят
Умело, умно и упруго,
Стихами блестяще сорят,
Но мало кто слышит друг друга.
Особица в каждой душе
Предания, веры, замаха...
Такое бывало уже,
Пример – времена Каллимаха.
Писал треугольной строфой
И в прочем слыл многих умнее,
Но греки читали Сапфо,
Но греки читали Алкея.
В уме – разнбой, суета,
Их блески – алмазное свинство,
Лишь тайная чувств простота
Всё розное сводит в единство.
Но тропы в неё далеки:
От Каллимаховой арки —
Четыреста лет до Луки,
Пятнадцать веков до Петрарки.

Вороны

1

По травке газона пластаясь сторожко,
к бродящей вороне приблизилась кошка,
но только с броском изготовилась метким,
ворона вспорхнула в убежище ветки,
на ветке зашла в призывающем карке...
На крик на берёзу слетелись товарки
и стали в полёте стелиться над кошкой,
когтями спины не касаясь немножко.
Мяунья, чтоб взбучки избегнуть и таски,
в подъезд унесла свои хищные глазки,
помыслив разумно: опасно здесь, право, —
вороны, как крысы, взметелят оравой.

2

Ворона вороне не выключет глазу,
ворона при драке бьёт в темечко сразу.
Хитро уклоняясь от схватки анфасной,
которая глазу, конечно ж, опасна,
та, что порезвей, со спины залетает,
вертя пируэт, и пощады не знает:
в хруст темя ломает махаловкой клюва,
потом труп убитой расклёвывает люто,
глотает врагини кровавое мясо...
Вороне вороне не выключет глазу.

3

Над зданьем детсада в февральском затишьи
вороны от скуки катались по крыше.
На гребне рассядутся, каждая фертом,
и с хохотом вниз по снежку боковертом.
Как с кромки сорвутся, враз крылья расправят
и снова на гребне фигурки расставят...
Вот так с полчаса погружались в забаву
четыре вороны по вольному нраву,
а я, наблюдая за ними с балкона,
жалел с полчаса, что я сам – не ворона.

4

По берегу Волги у среза водицы
гуляют вороны, вельможные птицы,
то роются клювами в гальке и иле,
то моются, в воду забравшись по крылья.
И галки, и голуби, и воробьишки —
все в лужах стирают перышек бельишки;
вороны же, птицы боярской породы,
в купаньях приемлют лишь чистые воды.
А то вдруг засмотрятся в жарком влеченьи,

как лодками чайки плывут по течению, —
печально воронам: умнее, ей богу,
прожорливых чаек, а плавать не могут.

5

Открыли наук генетических мавры:
в ворон превратились в веках динозавры,
ещё раскопали, от мудрости лысы:
порода людей зачинается с крысы,
но корнем и люди растут и вороны
из тех, кто зовётся болотно – тритоны.
Два разных ствола, а подобны итоги:
вороны двуноги и люди двуноги.
Но здесь же различье убийственной силы:
мы, люди, двуруки, вороны ж двукрылы.
И сразу вопрос возникает некстати:
кто ближе строением к ангельской стати?

«Словно хруст крахмальной простыни...»

Словно хруст крахмальной простыни,
Словно в свете рампы брошь,
Эти вёрсты, эти россыпи
Свежих мартовских порош.
Дали ясные за городом,
На кустах песцовый мех...
Подступает к сердцу голодом
Память юностных утех.
Солнце щурится, как дразнится,
И смыкает жизнь в кольцо
Невоспетою одноклассницы
Непорочное лицо.
Сорок лет пришло и минуло,
Одевая жизнь в грехи;
Только всё плохое сгнуло,
Всё расплавилось в стихи!
Снова время пахнет соснами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.